

МЫ ВСЕ БЫЛИ
НА ТОМ СНИМКЕ.
КТО-ТО В КАДРЕ, КТО-ТО —

ЗА НИМ

EXTRA
CAN NEWS

АВРОРА СТИЛЗ

ОБЪЕКТИВ

ПРОШЛОГО

Аврора Стилз

Объектив прошлого

<https://litres.ru/74298472>

Аннотация

Профессиональный фотограф Лиза верит только в то, что можно увидеть в видеоискатель. Но когда в тихом провинциальном городке, где прошло её детство, находят тело её подруги, кадры настоящего начинают безнадёжно смазываться. Чтобы расследовать убийство, ей придется вернуться. Вернуться в место, откуда она сбежала много лет назад, столкнуться лицом к лицу с призраками юности и невысказанными обидами. В городе, где каждый переулочек помнит её смех и слёзы, ждёт не только нераскрытое преступление. Ждёт он. Бывший. Тот, кто теперь ведёт это дело. Их союз — хрупкое перемирие на краю пропасти. Чтобы докопаться до истины, им приходится снова начать доверять друг другу. Но как доверять человеку, чьё предательство ты носишь в себе как шрам? ★# Буду признательна за ваши лайки и комментарии, это очень сильно вдохновляет !

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	10
Глава 2.	19
Глава 3.	24
Глава 4.	31
Глава 5.	41
Глава 6.	50
Глава 7.	59
Глава 8.	67
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пролог.

Вечерний свет из окна кухни уже не горел, а тонул в густой синеве сумерек, оставляя на столе лишь желтоватый овал от настольной лампы. Лиза рассеянно водила пальцем по кольцу от кофейной чашки, слушая негромкий голос в трубке.

— Угадай, кого сегодня видела! — голос Софы прозвучал так загадочно, будто она сообщала государственную тайну, а не городские сплетни.

— Да кого ты могла видеть в нашем богом забытом болоте? — фыркнула Лиза, отламывая крошку от печенья. — Единственное развлечение там — считать сколько машин сегодня проехало по центральной улице после восьми. Если больше двух — это уже событие.

— Серёгу твоего!

В воздухе повисла короткая, густая пауза. Лиза почувствовала, как что-то холодное и знакомое кольнуло под рёбра.

— Какого ещё моего? — она натянуто рассмеялась, играя в недоумение с мастерством, отточенным за годы. Сыграла плохо — голос выдал лёгкую хрипотцу.

— Лиз, уж со мной-то не притворяйся! Женишка твоего несостоявшегося!

— Ах, этого... — она протянула безразлично, глядя, как

тень от вазочки на столе удлинняется и превращается в нечто бесформенное. — Ну и? Сгнил окончательно или только начал этот процесс?

— Важный такой стал, не могу! Работает следователем теперь! — Софа хихикнула. — Но, честно говоря, внешне... эволюционировал. Словно его не жизнь, а 3D-моделлер прокачал. Я, конечно, лишь чисто с эстетической точки зрения заценила. Совсем капельку!

— Вот ты дурная! — засмеялась Лиза, и смех прозвучал странно громко в тихой комнате. — На что там можно заглядываться? На протокольный взгляд и папку с делами под мышкой?

— Ты просто давно его не видела! Там теперь есть на что взглянуть, спорить бесполезно. Но я-то знаю, какой он внутри прогнивший, так что мой интерес — сугубо антропологический. Зато девки так и выются вокруг, смешно смотреть! Будто на плакат с киногероем с надеждой заглядываются — вдруг оживёт и на свиданку пригласит.

— Да мне плевать, ты же знаешь, — махнула рукой Лиза. — Неужели в нашем прекрасном богом забытом городке больше нет новостей? Ловишь сплетни про моих бывших, как же уныло ты живёшь, подруга!

— Ага, вот поедem в отпуск, и я покажу тебе унылую жизнь! — парировала Софа. — Ты, кстати, уже купила себе новый бикини? Не смей говорить, что поедешь в тех своих вечных спортивных шортиках, похожих на бабушкино бе-

лье ! Хватит уже прятать свое шикарное тело !

— У меня достаточно купальников, не вижу смысла трагиться! — возмутилась Лиза, машинально потянувшись к шёлковому халату. — Я еду отдыхать, а не на пляжный конкурс красоты.

— А вот зря! Я наберу целый чемодан, хватит на три сезона! Ты же возьмёшь свою волшебную камеру? — с надеждой спросила Софа. — Мне нужно минимум пятьсот кадров, где я выгляжу как несправедливо забытая голливудская дива.

— Конечно, возьму. Не волнуйся, будут тебе шедевры. Снимки такие, что ты их в рамочки развесишь и будешь гостям показывать вместо семейных фото.

— Вот это мне нравится! Я вообще...

Софа резко замолчала. Так резко, что Лиза невольно прислушалась, будто тишина из трубки могла что-то сказать. Потом раздался не крик, а короткий, обрезанный вскрик, больше удивлённый, чем испуганный.

— Сонь? Ты чего там? — голос Лизы потерял всю предыдущую небрежность.

— Слушай... — голос подруги стал тихим, шершавым от напряжения. Лиза никогда не слышала её такой. -- Какая-то ерунда происходит уже несколько дней.

Лёгкая улыбка сошла с лица Лизы.

— Что случилось?

— Мне кажется, что за мной кто-то следит... — Софа прошептала это так, будто он был в комнате, стоял за её спи-

ной и касался холодным пальцем её шеи.

— Ты просто пересмотрела своих любимых ужастиков с попкорном! — попыталась шуткой отогнать нарастающий холодок внутри. — Опять тот, где клоун в маленьком городишке?

— Нет, Лиза, я серьёзно. — В голосе не было и тени игры. — Иногда я буквально чувствую на себе чей-то взгляд. Тяжёлый, липкий. Как паутина. А возле дома, в кустах... не шорохи даже. Тишина какая-то... неестественная. И в этой тишине — шаги. Очень тихие.

Мурашки побежали по спине Лизы. Она встала и подошла к окну, задернув штору, которую только что раздвинула. Темнота за стеклом была густой, слепой.

— А ты выпускала Дану?

— Да! Но она... она не лаяла. Просто стояла, уши торчком, и смотрела в темноту. Молча. Это... это даже страшнее.

— Сонь, ну это звучит... — Лиза искала слово. — Странно. Если даже собака ничего не учуяла... Может, тебе правда мерещится? Это же наш славный, сонный городишко. Здесь самое страшное, что может случиться, — это у магазина «Рассвет» сломается единственный фонарь.

— Я не знаю! — в голосе Софы прорвалась отчаянная искренность. — Сама понимаю как глупо это звучит. Я же не сумасшедшая. Но я правда что-то чувствую. Каждой клеткой кожи.

— Фух, — Лиза выдохнула, и её собственное дыхание по-

казалось ей подозрительно громким. — Ну, слава богу, ты не одна. Дана с тобой.

— Да... — Софа словно очнулась. — Кстати, о Дане. Нам пора на вечернюю прогулку. Пока не совсем стемнело.

— Давай. И, Сонь... поменьше этих твоих фильмов, а? — попросила Лиза, и в её просьбе внезапно прозвучала несвойственная ей мягкость, почти мольба.

— О, нет! Без своих ужастиков я жить не могу. Они... успокаивают. Потому что там всё понятно: вот монстр, вот герой. А здесь... Ладно, завтра созвонимся. Спокойной ночи!

— И тебе... заранее спокойной. Ещё неделя — и мы на море! — Лиза попыталась вложить в слова лёгкость, но они повисли в воздухе тяжёлыми каплями.

— Да! Люблю тебя!

— И я тебя. Пока.

Лиза медленно опустила телефон на стол. Комната, ещё минуту назад бывшая уютным коконом, вдруг стала слишком большой, полной неоформленных теней в углах.

Она стояла, прислушиваясь к тишине собственной квартиры. Но вместо тишины слышала эхо последних слов подруги: «шаги... очень тихие...». Станный, липкий холодок, который она списала на сквозняк, так и не покидал кожи. Он исходил не от окна. Он исходил изнутри.

Она тогда ещё не знала, что этот разговор, этот смех, сквозь который уже просачивался страх, этот дурацкий спор

о бикини — всё это навсегда останется в прошлом. Что холодок — это была не дрожь от выдуманной страшилки. Это было предчувствие.

Это был последний раз, когда она слышала голос живой, дышащей, смеющейся Софы.

Глава 1.

Сергей Петров, молодой следователь, чья карьера в тот момент измерялась не раскрытыми делами, а количеством выпитых за ними чашек растворимого кофе, пытался вникнуть в очередной эпизод городской «мыльной оперы». Два соседа пять лет судились из-за полуметра забора, и вот теперь один из них, судя по акту, «случайно» пролил на своего оппонента не воду, а кипящее масло. Сергей уже представлял как будет с невозмутимым видом зачитывать в суде фразу «потерпевший получил термические ожоги ягодичной области» как вдруг ...

За дверью кабинета, похожей больше на ширму, чем на серьёзное препятствие, внезапно поднялся шум. Обычное для отделения утреннее бормотание переросло в нарастающий гул, а затем в отчётливые, резкие оклики: «Куда вы?!», «Стойте!», «Да вы что!».

Сергей почувствовал знакомое, холодное предчувствие — тревогу, которая ползёт по спине и покрывает ее ледяными мурашками. Он обречённо отложил папку с «делом о горячем соседе». Гроза надвигалась. Но даже его, уже привыкший ко всему, следовательский ум не мог вообразить, что сейчас на его голову обрушится не ливень, а целый торнадо, причём в юбке.

Дверь с силой распахнулась, заглушив последний, почти визгливый крик дежурного Потапова: «Туда нельзя, это же кабинет следователя Петрова!». В проёме, озарённая мерцающим светом дешёвой лампы из коридора, возникла она. Не просто вошла — ворвалась, словно вихрь, сметающий на своём пути все правила, уставы и остатки его душевного спокойствия.

Лиза.

Время споткнулось, закашлялось и замерло в глупой позе. Воздух вытеснился из его лёгких одним коротким, сдавленным звуком.

— Лиза?! Что ты... вообще здесь делаешь? — выпалил он, и его голос прозвучал неестественно высоко, почти как у мальчишки, пойманного за курением в туалете.

Но она словно не слышала. Её лицо, которое он помнил улыбающимся, а позже — холодно-равнодушным, сейчас было перекошено чистой, неразбавленной яростью. Щёки горели румянцем гнева, глаза сверкали, как лезвия.

— Какого чёрта, Петров? — прошипела она, и каждый слог звучал как щелчок взводимого курка.

— Что? — он был в полном, абсолютнейшем, чистейшем, как тот самый его кофе, недоумении. Мозг отчаянно сигнализировал: «Ошибка 404. Входящие данные не распознаны. Угроза: бывшая невеста в состоянии боевой готовности».

— Что с поисками Сони? — уже не шипела, а выкрикнула

она, сделав шаг вперёд. Её сумка задела угол стола, смахнув на пол пару ручек.

— Чего? — снова тупо переспросил Сергей, моргнув. Может, это галлюцинация от вечного недосыпа? Сейчас она испарится, и он снова увидит перед собой только дело про ожоги в стратегически важном месте.

— Петров, ты больной, что ли? Как тебе вообще должность-то дали, если ты даже разговаривать разучился? — её голос звенел от сарказма. — Я хочу знать, что известно про исчезновение Софии Симоновой! Она пропала два дня назад!

— А... ты об этом! — словно прозрел Сергей, наконец-то сообразив, что бушующий перед ним ураган связан не с их личным, заржавевшим прошлым, а с рабочими буднями. Он даже выпрямился, пытаясь натянуть на себя тогу служителя Фемиды. — Слушай, ты не имеешь права врываться вот так сюда и что-то требовать! Я понимаю, что ты расстроена, но прошло всего два дня. Она молодая, красивая женщина. Могла ну... просто загулять с кем-то. Расслабиться, сменить обстановку. Такое, знаешь ли, в нашем скучном мире иногда случается. А ты примчалась и устроила тут спектакль в лучших традициях немого кино, только очень громкого. Успокойся уже!

— Так значит, её даже не ищут? Я правильно понимаю? — её взгляд мог бы просверлить в нём дыру. И, кажется, уже начинал это делать.

— Ищут. Добровольцы. Прочесывают парки и ближайшую лесополосу. Но ничего криминального пока не нашли. Никаких... следов борьбы, окровавленной одежды или чего ты там еще себе успела нафантазировать ?

— А Дана? — неожиданно, как боковой удар, спросила Лиза.

— Какая ещё Дана? — он поднял бровь с таким видом, будто она спросила про инопланетян.

— Её собака. Полуторагодовалый немецкий дог. Она дома?

— Нет, — нахмурился Сергей. — Собаки тоже нет. Со слов матери.

— Петров, я говорила с ней в тот вечер! Она сказала, что пойдёт выгулять собаку и ляжет спать! — Лиза ударила ладонью по его столу, заставив вздрогнуть чашку с остатками той самой коричневой жижи. — Ты понимаешь, что это максимально странно? Куда они могли деться вдвоём? Она что, по-твоему, загуляла с мужиком и притащила к нему в хату огромного дога? На свидание? «Здравствуйте, это моя собака Дана, она будет наблюдать за процессом!» Так ты себе это представляешь ?

— А почему нет? — Сергей развёл руками, изображая непроницаемую логику. — Если она любила собаку как члена семьи, или больше некому было о ней позаботиться, то она спокойно могла взять её с собой. Тут у нас кругом частные дома, много съёмного жилья. У кого-то и двор большой.

Вот и все дела.

— Так а мне она почему ничего не сказала? Не позвонила? Не написала? Мы же общались каждый день! — в её голосе впервые прорвалась не злость, а отчаянная, детская обида.

— Ну, может, переживала за тебя? — предположил Сергей с фальшивой, язвительной участливостью. — Не хотела расстраивать. Вдруг у тебя ни собаки, ни... мужика на горизонте нет?

— Нет, ну ты точно больной, если так думаешь! — фыркнула она.

— А что не так? — он развёл руки, делая вид, что искренне не понимает.

— Вообще-то я замужем, если это для тебя имеет такое огромное значение! — воскликнула Лиза и в тот же миг, будто ужаленная, поймала его быстрый, рефлекторный взгляд, скользнувший к её левой руке. На безымянном пальце действительно блеснуло тонкое золотое кольцо. Она мгновенно сжала кулак, спрятав его в карман легкой куртки, будто совершила оплошность.

— Ладно, допустим, — протянул Сергей, и в его голосе внезапно пропала всяческая насмешка. Он стал просто усталым. — Но факт остаётся фактом. Ты сама сказала — прошло всего два дня. Юридически это даже не исчезновение ещё толком.

— С ней что-то случилось! Я точно знаю! — она снова приблизилась к столу, и теперь он почувствовал лёгкий, ед-

ва уловимый аромат её духов — ничего общего с тем, сладким, который он помнил. Этот был холодным, древесным. Чужим.

— Ну что с ней могло случиться в нашем сонном царстве? Медведь забрёл с гор специально, чтобы похитить девушку с догом?

— Да что угодно! Ты же следователь! — её голос дрогнул. — Или просто парень в форме, который бумажки перекладывает? Вот ты мне и скажи, что обычно случается с девушками, которые внезапно исчезают!

— Ладно, — сдался Сергей, устав от натиска. — Её мать подняла тревогу, бегала тут, на каждом столбе объявления клеила, кричала, что «Сонечка не такая, она никогда бы не пропала, всегда бы позвонила!» Только знаешь, сколько мы таких историй слышим за месяц? А потом через недельку оказывается, что загуляла девчонка, сбежала с цыганским табором или нашла себя в секте адептов здорового питания. Вот и всё.

— Софа не такая, — злобно, но уже почти без сил прошептала Лиза, отводя взгляд в окно.

— Ну вот! И ты туда же! — он снова позволил себе лёгкую, утомлённую усмешку. — У вас, женщин, у всех одна и та же пластинка: «Она не такая, она бы не стала». А жизнь, между прочим, гораздо изобретательнее ваших представлений о ней.

— Она была напугана, — начала говорить Лиза, уже не

обращая внимания на его слова, глядя куда-то сквозь него. Голос её стал тише, ровнее, и от этого — страшнее. — В тот вечер. Я никогда её такой не слышала. И я... я не поверила ей. Посмеялась. Сказала, что она дурная и насмотрелась ужасиков. А потом она ушла из дома. И не вернулась. У нас были билеты. Через неделю. Мы должны были лететь на море. Она уже чемоданы собирала. Она не могла вот так... просто испариться. Я должна её найти.

Она говорила, казалось, сама с собой. Сергей молчал. Его насмешливая маска на мгновение сползла, обнажив усталое, серьёзное лицо профессионала, который всё-таки видел в этой истории не только «женскую истерику». Он заметил, как на её ресницах, вопреки всей её ярости и броне из сарказма, блеснула одна-единственная, предательская слеза. Она смахнула её молниеносным, яростным движением пальца, будто уничтожая улику против себя, резко развернулась и направилась к двери.

— Стой! — неожиданно, резко воскликнул Сергей, прежде чем она успела исчезнуть так же стремительно, как появилась.

Она замерла, не оборачиваясь, положив руку на ручку двери.

— Оставь... свой номер. Я позвоню тебе, если что-то новое узнаю. По делу.

— Я не меняла номер, — прозвучал её голос из-за плеча. Потом она медленно обернулась, и в её глазах снова вспых-

нул тот самый, знакомый ему, едкий огонёк. — Но тебе его говорить не буду!

— Тогда и говорить не нужно! — отрезал он, чувствуя, как по щекам разливается глупый жар.

— Вот оно как? — Лиза прищурилась, и на её губах появилась кривая, язвительная улыбка. — Хранишь мой номер телефона все эти годы? Или, страшно подумать, вообще помнишь его наизусть? Какая трогательная, но глупая сентиментальность, Петров !

— У меня просто хорошая память на цифры! Побочный эффект профессии! — огрызнулся он, чувствуя, что проигрывает эту дуэль. — А ты даже не мечтай!

— Вот ещё! О тебе что ли ? — коротко, беззвучно рассмеялась она и закатила глаза с таким видом, будто он предложил ей полететь на Луну. — Разве я похожа на ту глупую девчонку, которая была способна мечтать ? Пока, Петров! Было не очень приятно тебя видеть , ну да ладно !

— Дверью не хлопай! — бросил он ей вдогонку, но было уже слишком поздно.

Дверь захлопнулась с таким оглушительным, театральным грохотом, что, кажется, с потолка посыпалась штукатурка. В наступившей тишине Сергей медленно опустился в кресло. Его взгляд упал на папку с «делом о горячем соседе», но мысли были далеко.

«Что это, чёрт возьми, вообще было?» — пробормотал он, бессмысленно перекладывая бумаги. Откуда она взялась?

После стольких лет молчания и взаимного игнорирования ?
И самое главное — зачем?

Он так надеялся сегодня на спокойный, рутинный, скучный рабочий день. Теперь было ясно: о спокойной жизни в ближайшее время можно было забыть. Его прошлое только что вломилось в кабинет на каблуках, хлопнуло дверью и, судя по всему, притащило с собой новое запутанное дело. И, возможно, целый ворох старых, абсолютно ненужных воспоминаний.

Глава 2.

Три часа в доме Софы. Это время тянулось не минутами, а приметами. Лиза отказалась включать основной свет, будто яркость могла спугнуть призраков правды, и бродила по комнатам в скупых лучах настольных ламп, чувствуя себя незваным гостем в чужой жизни. Дом был тихим, стерильным от крика, который застыл в воздухе. И в этой тишине кричали детали.

Она начала с прихожей. Аккуратная пара летних туфель у порога. Плащ на вешалке. Всё на своих местах. Но её взгляд упал на небольшой, яркий чемодан, стоявший в нише под лестницей. Он был не просто собран — он был заряжен, как оружие перед выстрелом. Лиза присела на корточки, щёлкнула замки. Внутри — аккуратные стопки одежды: бикини, парео, лёгкие платья. Ничего лишнего. Всё для той самой поездки на море, о которой Софа говорила с таким восторгом. На самом верху лежал паспорт с загранвизой. Лиза взяла его в руки, и холодок пробежал по спине.

Она прошла на кухню. Здесь кричал холодильник. Вернее, его содержимое. Он был забит до отказа. Йогурты со сроком годности до конца недели, свежие овощи в контейнерах, кусок торта в упаковке из любимой кондитерской, большая пицца. Софа была практичной, она не покупала столько скоропортящейся еды, если собиралась куда-то уйти надолго.

из дома . Это была провизия на несколько дней вперёд. Продукты для жизни, которая внезапно оборвалась.

На столе рядом стояла кружка с недопитым чаем. Чай был холодным, на поверхности плавала тонкая плёнка, но чайный пакетик всё ещё болтался внутри, как повешенный. Софа ненавидела, когда чай перезаваривался. Она всегда сразу выкидывала пакетик. К ней кто - то заходил ? Она знала своего похитителя ? Лучше не трогать чашку, вдруг на ней важные отпечатки .

В гостиной, на диване, лежала раскрытая книга, перевёрнутая корешком вверх, чтобы не потерять страницу. Рядом — очки для чтения. На журнальном столике — распечатанные гиды по достопримечательностям того самого курортного города. Они были испещрены яркими пометками.

Лиза поднялась в спальню. На тумбочке у кровати тикали электронные часы, показывающие неверное время — видимо, в сети был скачок напряжения. Рядом лежала зарядка для телефона, но самого телефона не было . Его забрала ее мама . И в эту минуту она , наверняка , сидит с ним в обнимку и ждёт любого звонка , который внесет наконец ясность в исчезновение дочери. На кровати аккуратно, по струнке, была разложена пижама.

Всё кричало об одном: здесь не готовились к побегу или спонтанному «загулу». Здесь жили, строили планы на завтра, на послезавтра, на отпуск. И это «завтра» так и не наступило.

Именно в этот момент, когда Лиза стояла посреди спальни, пытаясь сложить пазл из этих несовместимых деталей, в тишине дома, нарушаемой только тиканьем часов, зазвонил её мобильный. Звонок прозвучал оглушительно громко. Она вздрогнула и, выдернув телефон из кармана, поспешила быстро ответить.

— Да, Петров! Есть новости?— выпалила она, и в голосе прозвучала нескрываемая надежда.

— Вот это да! — вместо ответа в трубке раздался его голос, полный неподдельного, почти детского торжества.

— Ты чего ржёшь? — удивилась она, и напряжение внутри начало сменяться раздражением. — Я, конечно, сегодня уже спрашивала и не раз, но, видимо, придётся повторить: Петров, ты окончательно и бесповоротно там больной? Или у вас в отделении вместо кофе наливают что-то покрепче?

— Уважаемая гражданка Маркова, ответьте, пожалуйста, на один очень важный процессуальный вопрос! — продолжил он с пафосом следователя, читающего права.

— Давай уже говори, хоть я и не на допросе! — нервно прошипела Лиза, сжимая телефон так, что пальцы побелели.

— Вы мой номер телефона, случайно, не удалили за прошедшие годы? Или, может, помните наизусть? Потому что я, например, его не менял. Но, что самое забавное, я вам его сегодня не говорил! — Сергей буквально упивался своей победой, его голос звенел от удовольствия. Ну наконец-то!

Счёт 1:1! Матч, похоже, только начинается.

— Нет, ну ты точно клинический случай, Петров ! — взорвалась Лиза, её голос зазвенел в пустом доме. — Ты что, маленький мальчик, который решил поиграть в игры ? Человек пропал, а ты тут ерундой страдаешь ! У тебя что, совести вообще нет ?

— Ладно, ладно, прости ! — неожиданно, почти мгновенно, сник его победный тон. — Я просто... не удержался. Не думал, что ты так сходу скажешь , что это я. — Он сделал паузу, и в трубке послышался звук заводимого двигателя. — Есть наводка. На соседней железнодорожной станции «Лесная» бегают собака без поводка. Внешне очень похожа на дуга. Я сейчас как раз еду туда.

— Я с тобой ! — отрезала Лиза, уже направляясь к выходу из спальни.

— Не положено ! — отчеканил Сергей, снова надевая мундир служебного регламента. — Гражданских лиц к осмотру. Я как всё узнаю — позвоню..

— Я могу опознать собаку ! — парировала она, спускаясь по лестнице. — Это я её Софе дарила ! Щенком ! Она меня знает ! Или у тебя в кармане припасены другие специалисты по опознанию одиноких догов ?

— Нет, — честно признался Сергей, и в его голосе снова появилась усталая серьёзность. — Матери пока ничего не сказали. У неё же... — он на секунду замолк, и в этой паузе было что-то непростое. — Сердце слабое. После сообщения

об исчезновении был уже приступ. Её нельзя беспокоить по пустякам. Ладно, чёрт с тобой! Ты где сейчас?

— Я в доме Софы, — сказала Лиза, уже надевая куртку в прихожей.

— Чего? — воскликнул Сергей, и в его голосе смешались удивление и резкое неодобрение. — Ты что там делаешь? А если это... место преступления? Ты могла там наследить и все запутать !

— Какого ещё преступления, Петров ?! Софа же загуляла ! К тому же я была в перчатках . — огрызнулась она, но внутренне сжалась. «Софа пропала. Я изучаю её жильё, чтобы найти зацепку, которую вы, профессионалы, даже не захотели искать , отправив ее в мифический загул .

— Хватит там играть в Шерлока Холмса в юбке! Сиди на месте, не трогай больше ничего! Я буду через пять минут. Заберу тебя по дороге.

— Время пошло! — бросила ему в ответ Лиза, но не с вызовом, а с облегчением. Она положила трубку и, перед тем как выйти, бросила последний взгляд на тот самый чемодан под лестницей. Яркий, немой свидетель.

«Жди нас, Софка», — прошептала она мысленно.— «Мы уже в пути».

Глава 3.

Сергей подъехал ровно через пять минут, как и обещал. Его старенькая, выдавшая виды иномарка, перекрашенная в немыслимый «следовательский» цвет грязного асфальта, замерла у тротуара. Лиза, не дожидаясь приглашения, сходу рванула к машине и буквально запрыгнула на пассажирское сиденье, захлопнув дверь с таким грохотом, что, казалось, дверные карты вот-вот отвалятся.

— Надо же, Петров! Даже не опоздал! — усмехнулась она, натягивая ремень безопасности. — Я уж думала, ты по старинке, по-мужски, на полчаса задержишься. Не иначе, в полицейской академии наконец-то научили считать до пяти?

— А ты вот, я погляжу, ничему за эти годы не научилась! — парировал Сергей, резко трогаясь с места и заставляя её вжаться в сиденье. — Какого чёрта ты делала в её доме? Это не твоя личная территория, это, возможно, место преступления! И вообще! Полицейская академия? Ты серьезно?

— Какого чёрта, Петров? Ты меня спрашиваешь? — её голос зазвенел от сарказма. — Я ехала в гости к своей лучшей подруге. Должна была пожить у неё, а потом мы вместе полетели бы на море. Билеты куплены, чемоданы собраны. А она — фьють — и испарилась! Но вы, служители закона, упорно считаете, что она укатила в загул с первым встреч-

ным, да? Ну, а раз она вот-вот должна вернуться с гулянки, то почему бы мне, её подруге, не подождать её дома? Помому звучит весьма логично!

Сергей молчал, сжимая руль так, что костяшки пальцев побелели. Машина вырвалась на загородную трассу, и ветер загулял в неплотно прикрытых окнах.

— Дело... приобретает странный оборот, — наконец произнёс он, и его голос прозвучал непривычно глухо, без обычной иронии.

— Петров, ты не перед начальством отчитываешься, можешь говорить нормальным человеческим языком, а не казёнными штампами! — съязвила Лиза, но в её тоне уже не было прежней дерзости. Она прислушивалась. — Ну? Теперь-то ты мне веришь? Что это не «загул»?

— Не знаю во что верить, — честно ответил он. — Но мне всё меньше нравится эта история.

Они ехали в напряжённом молчании несколько минут. Лиза смотрела в окно на мелькающие сосны. Потом, не глядя на него, тихо сказала:

— Софа... видела тебя в тот день.

Сергей резко повернул к ней голову, потом так же резко вернул взгляд на дорогу.

— Какой день?

— День, когда она пропала! — вспыхнула Лиза, обернувшись к нему. — У тебя что, провалы в памяти?

— Ну да, видел, — отрывисто бросил он. — У магазина.

Поздоровались. Мельком. Не думал, что она тебе об этом рапортовать станет. Не думал, что моя персона вообще может тебя интересовать.

— Мне она и не интересна, — холодно отрезала Лиза. — Я так и сказала Софе. А она... она немного даже обиделась. Утверждала, что ты... похорошел за прошедшие годы. Что стал каким-то... солидным.

В салоне машины воцарилась тишина, густая, как смог. Потом Сергей медленно, с явным удовольствием выдохнул.

— Вот оно как...

— Не смей улыбаться, Петров! — рывкнула Лиза, заметив краешек улыбки на его лице. — Моя подруга пропала, возможно, с ней случилось что-то ужасное, а ты всерьёз спрашиваешь меня насчёт своей внешности? Не хочу повторяться, но...

— Да, я больной! — перебил он её, и его голос вдруг стал почти весёлым. — Это ты хотела спросить? Я угадал? Наконец-то наш диалог вышел на уровень взаимопонимания!

— Это был риторический вопрос, идиот! — фыркнула она, но, к собственному удивлению, почувствовала, как уголки её губ сами тянутся вверх. Чёрт его знает, как он умудрялся её раздражать и смешить одновременно даже в такой ситуации. — Но, ладно... молодец. За фигурой следишь. Видно.

— Вот она! — вдруг резко воскликнул Сергей, и вся его игривость вмиг испарилась. Он затормозил, съехав на обочи-

ну дороги, ведущей к железнодорожной станции «Лесная».
— Смотри.

Впереди, на пустынной площадке перед низким кирпичным зданием вокзала, металась тёмная фигура. Это была собака. Крупная, поджарая, с удлинённой мордой — типичный дог. Её шерсть была в пыли и репейниках, а движения выдали не просто бродяжничество, а панический, животный страх. Она бегала кругами, останавливалась, принюхивалась к воздуху и снова бросалась вперёд, словно искала потерянный след или пыталась убежать от чего-то невидимого.

— Дана... — прошептала Лиза, и её сердце сжалось.

Они медленно вышли из машины. Собака замерла, увидев людей, насторожив уши. Лиза медленно, без резких движений, сделала несколько шагов вперёд, опустилась на корточки и мягко позвала:

— Даня... Данюша, это я. Подойди, девочка.

Собака прислушалась. Её умные, тёмные глаза, полные тоски и страха, всмотрелись в Лизу. И вдруг — узнавание! Вся напряжённость спала, сменившись вихрем безудержной радости и облегчения. Дана радостно, скуля, бросилась к ней, чуть не сбив с ног, тычась мокрым носом в её руки и лицо, виляя хвостом так, что казалось, он вот-вот оторвётся.

— Вот видишь? Видишь? — голос Лизы дрогнул. — Она меня знает. Софа не могла её бросить. Не могла.

Сергей молча наблюдал, его лицо было серьёзным. Он подошёл ближе, но собака настороженно зарычала, прижима-

ясь к Лизе.

— Тихо, Даня, тихо, — успокаивала её Лиза, доставая из сумки пакет с собачьим лакомством. — Кушай, девочка. Ты, наверное, голодная.

Дана жадно набросилась на еду, но даже во время еды её уши были насторожены, а взгляд постоянно метался по сторонам. Лиза, пока собака ела, осторожно провела руками по её шее, спине, лапам.

— Ошейника нет, — тихо констатировала она. — И поводка тоже. Софа никогда, слышишь, никогда не выпускала её одну без поводка. Дана сильная, может сорваться. А тут...

— Значит, её привязали, — мрачно заключил Сергей, оглядывая пустынную местность. — Или она сама вырвалась и сбежала, сорвав ошейник. Но если её привязали... значит, хотели обездвигить. Зачем? Чтобы она не помешала? Или чтобы... она никуда не убежала вслед за хозяйкой?

Дана, доев лакомства, вдруг подняла голову и громко, отрывисто залаяла. Не просто так, а смотря в одну точку — в сторону густого, начинавшегося прямо за станцией, леса. Потом она сделала несколько шагов в ту сторону, обернулась на Лизу, снова залаяла.

— Кажется, она хочет нам что-то показать, — сказала Лиза, вставая. — Она пытается вести нас! Петров, нам надо за ней!

Они двинулись вслед за собакой, которая то бежала вперёд, то возвращалась, подгоняя их лаем. Дана уверенно пове-

ла их по узкой тропинке, углублявшейся в лес. Воздух здесь стал влажным, пахло хвоей, прелой листвой и чем-то ещё... тревожным. Надежда, тлеющая где-то внутри Лизы, начинала разгораться. Может быть, она приведёт нас к Софе. Может, та просто заблудилась, упала, травмировалась...

Но через пятнадцать минут бодрой ходьбы Дана вдруг замедлила бег. Она начала метаться: то в одну сторону, то в другую, обнюхивая землю, стволы деревьев, сбиваясь с пути. Её уверенность куда-то испарилась, сменившись той же беспомощной паникой, что и на станции. Она снова заскулила, но теперь это был жалобный, потерянный звук. В конце концов, она просто остановилась посреди небольшой поляны, опустила голову и, дрожа всем телом, прижалась к ноге Лизы, будто ища защиты.

Лиза опустилась на колени, обняла огромную, но такую беспомощную собаку. Дана вся дрожала, её сердце колотилось, как птица в клетке.

— Она не знает куда идти, — тихо сказала Лиза, и её голос звучал пусто. — Она не может найти след. Она... она просто бежала. Бежала оттуда где всё случилось. А теперь... теперь она понимает, что назад пути нет. Или она боится туда возвращаться.

Сергей молча осматривал поляну, тщетно пытаясь найти хоть что-то: обрывок ткани, следы шин, окурок. Но тут была только обычная лесная чаща.

— Она видела что-то ужасное, — прошептала Лиза, глядя

в испуганные глаза собаки. — И она понимает, что искать уже некого. Она одна.

Ветер зашелестел в кронах сосен, словно вздохнув над ними. Надежда, что они вот-вот всё найдут, разбилась о молчание леса и дрожь напуганного животного. Они стояли втроём посреди нигде — следовательно, женщина с разбитым сердцем и собака, которая была единственным свидетелем и которая ничего не могла сказать. Кроме одного: здесь, в этом лесу, что-то очень плохое начало свой путь.

Глава 4.

В машине воцарилась тяжёлая, звенящая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Даны, устроившейся на заднем сиденье. Собака, уткнувшись мордой в колени Лизы, всё ещё мелко дрожала. Грязь и репейники в её шерсти казались теперь не признаками бродяжничества, а уликами, страшными и немymi.

— Куда теперь? — тихо спросила Лиза, не глядя на Сергея, глядя собаку за ухом.

Сергей, сжав челюсть, резко повернул руль, разворачивая машину обратно к городу.

— К Валентине Ивановне. Надо оставить собаку у неё. И... мы должны спросить.

Он не уточнил о чём именно. Но Лиза поняла. Нужно было посмотреть в глаза женщине, чья дочь пропала, и привезти ей единственный живой «кусочек» этой дочери. Это было жестоко. Но необходимо.

Дорога к старому дому в тихом районе, где жила Валентина Симонова, заняла не больше десяти минут. Каждая минута давила на грудь. Лиза смотрела в окно на знакомые, но чужие улицы, чувствуя, как прошлое настигает её не абстрактным воспоминанием, а вот этой конкретной, тёплой, дрожащей тяжестью на душе и холодным предчувствием в животе.

Машина остановилась у аккуратного домика с палисадни-

ком, где ещё цвели последние осенние астры. Занавески на окнах были задёрнуты. Сергей заглушил двигатель, и тишина снова навалилась, теперь уже домашняя, удушающая.

— Давай я... я первая, — сказала Лиза, неожиданно для себя. Она боялась этого момента больше, чем встречи с Сергеем утром.

Они вышли. Дана нехотя сползла с сиденья и, прижавшись к ноге Лизе, поплелась за ними к калитке. Лиза постучала. Внутри зашевелились, слышались медленные шаги. Дверь открылась не сразу, сначала приоткрылась на цепочку, а потом, увидев Лизу, распахнулась полностью.

На пороге стояла Валентина Ивановна. Женщина, которую Лиза помнила полной сил и громкого смеха, сейчас она выглядела так, будто её вырезали из тонкой, пожелтевшей бумаги. Лицо было серым, исчерченным морщинами, которые, казалось, появились за эти несколько дней. Но глаза... глаза горели неестественным, лихорадочным блеском надежды.

— Лиза... Лизонька, родная... — выдохнула она, и её дрожащие руки потянулись к девушке, но замерли в воздухе. Взгляд скользнул ниже, к собаке. — Дана... Боже мой, Данюша!

Она опустилась на колени прямо в дверном проёме, не обращая внимания на холодный бетон. Дана, скуля, рванулась к ней, тычась мордой в плечо, в шею, облизывая лицо. Валентина Ивановна обняла собаку, зарылась лицом в её шею,

и её плечи затряслись от беззвучных рыданий.

— Где ты её нашла? — наконец спросила она, поднимаясь с помощью Лизы. — Где моя девочка? Где Соня?

— На станции «Лесная», — тихо сказал Сергей. — Тётя Валя, мы... пока не знаем где София. Но собака нашлась. Это хороший знак.

— Знак... — повторила женщина, забирая Дану в дом. Она говорила, глядя куда-то мимо них, в пространство, где жили её мысли. — Это знак, что она жива. Соня жива. Она бы не оставила Даню. Не могла. Они как сестры. Значит, Соня... Соня где-то не может вернуться. Заблудилась. Или... или её держат. Но она жива. Я верю.

Её вера была такой хрупкой и такой несокрушимой одновременно, что у Лизы перехватило дыхание. Это было страшнее чем отчаяние.

Валентина Ивановна усадила их на кухне и налила чай, но никто так и не притронулся к чашке. Она говорила быстро, сбивчиво, о том, что дочь была счастлива перед отъездом, что звонила каждый день, что всё было прекрасно. Потом её взгляд, остекленевший от горя, внезапно прояснился и перебежал с Лизы на Сергея и обратно.

— А я так рада, Лизонька, что ты вернулась. В наш городок. И... — она сделала паузу, и на её измождённом лице на мгновение мелькнуло что-то вроде старой, доброй ухмылки. — И что вы... снова вместе. Вижу вас и сердце радуется. Всё-таки, наверное, как говорится, всё возвращается на кру-

ги своя.

Лиза почувствовала, как по её щекам разливается горячий румянец. Она открыла рот, чтобы возразить, сказать, что это не так, что они вместе только из-за дела, но слова застряли в горле. Что она могла сказать этой женщине чья дочь пропала? Разрушать её крошечный островок иллюзорного уюта, глядя на них?

Сергей откашлялся, поднялся.

— Нам пора, Валентина Ивановна. Мы... продолжим поиски. Обещаю, обо всём сообщим сразу. Держитесь. И... берегите Дану. Она сейчас очень важна.

Прощались быстро, неловко. Валентина Ивановна снова обняла Лизу крепко-крепко, прошептала на ухо: «Найди её, дочка. Ты найдёшь». Потом отпустила и закрыла дверь, оставив их наедине с вечерними сумерками и тяжёлым молчанием.

Они молча дошли до машины, молча сели. Сергей завёл двигатель, но не тронулся с места, уставившись в тёмное лобовое стекло.

— Всё возвращается на круги своя... — наконец произнёс он, и в его голосе звучала не ирония, а какая-то усталая горечь. — Вот уж нет. Ничто не возвращается, Лиза. Никогда. Всё только разбивается, теряется или... пропадает.

Он резко включил передачу, и машина рванула вперёд, увозя их от дома, где горела одна-единственная, неистовая надежда, и погружая в наступающую ночь, полную вопросов

без ответов. А на заднем сиденье, где совсем недавно сидела испуганная собака, теперь зияла пустота, казавшаяся громче любого лая.

Тишина в машине была густой, как холодный кисель. Она давила на уши, заставляя слышать каждый скрип сидений, каждый перебой в работе двигателя. Сергей крепко сжимал руль, его взгляд уставленно скользил по темнеющим улицам. Лиза сидела, отвернувшись к окну, но видела не мелькающие дворы, а снова и снова – пустой дом Софы, полный немых криков, и дрожащую спину Даны.

— Ты где остановилась? У своих? – его голос прозвучал резко, нарушая тишину, будто он долго копил в себе этот вопрос.

Лиза резко дернула головой, как от пощечины. Короткий, беззвучный смешок, больше похожий на выдох боли, вырвался у нее.

— Ты серьезно, Петров? – она медленно повернула к нему лицо, и в ее глазах в свете проезжающих фонарей вспыхнуло что-то острое и колючее. – После всего, что ты знаешь? Я скорее в городском парке останусь ночевать, чем переступлю порог того ада. Алкогольный угар и крики – не лучший саундтрек для поисков пропавшей подруги. Спасибо, не надо.

Наступила пауза. Сергей сжал губы, не глядя на нее. Он действительно знал. Знал ту самую квартиру на окраине, где вечно горел свет и слышались ссоры. Знал, как Лиза в юно-

сти могла ночевать у друзей, в заброшенных гаражах, лишь бы не идти домой. Эта знакомая, обжигающая горечь в ее голосе заставила его на секунду забыть об их ссорах.

— Глупость сказал, – тихо согласился он, и в его голосе не было ни капли сарказма. – Просто... автоматически. По старой памяти .

Этой «старой памяти» хватило, чтобы натянуть между ними невидимую проволоку напряжения. Они оба резко замолчали, и тишина снова заполнила салон, теперь отягощенная невысказанным.

— Кленовая, дом семь, – выдавила наконец Лиза, глядя в окно. – Я сняла квартиру. Подальше от... всего.

Она не уточняла, от чего именно. От центра, от сплетен, от своего прошлого, от воспоминаний, которые здесь на каждом углу.

Сергей лишь кивнул и свернул в направлении указанной улицы. Кленовая была тихой, спальной улицей, застроенной одинаковыми пятиэтажными строениями. Дом семь ничем не выделялся: облупившаяся штукатурка, кривые балконы с вьюнком, в некоторых окнах – синий свет телевизоров.

— Спасибо, что не осталась в доме Софы, – сказал он, останавливая машину у первого подъезда. – Это... логично. И безопаснее.

— Пожалуйста, – буркнула она, уже хватаясь за ручку двери. Ее благодарность прозвучала как «отстань». Она выпорхнула на сырой асфальт, не оглядываясь. – Спасибо что под-

бросил. Спокойной ночи, Петров!

— Спокойной, — ответил он, но вместо того чтобы уехать, тоже вышел, хлопнув дверцей.

— Петров, я не первоклассница, не надо меня провожать, честное слово, — её голос звенел сарказмом, который должен был стать броней. — Я уже лет десять как научилась открывать двери без мужской помощи. Даже такие ржавые.

Сергей не ответил. Он молча продолжал идти, его лицо в тени было непроницаемым. Его молчание злило её больше любых слов. Дойдя до обшарпанной двери подъезда, она резко развернулась, блокируя ему путь.

— Ты меня слышишь вообще? — в её голосе зазвенело раздражение. — Что за спектакль? Хватит!

В сердцах она толкнула его ладонью в плечо. Толчок был слабым, символическим, но он отшатнулся, и в его глазах вспыхнуло что-то острое.

— Осторожнее, — предупредил он сквозь зубы.

— Ага, осторожнее! — фыркнула она. — Не зазнавайся, Петров. И не строй из себя рыцаря на ночном дежурстве. Я не собираюсь тебя затаскивать к себе под предлогом, что «ой, как страшно одной». Выбрось эту дурацкую мысль из своей больной головы!

Он смотрел на неё несколько секунд, и по его лицу скользнула странная, усталая тень. Потом он тяжело вздохнул.

— Больная здесь, походу, только ты одна, если такие сценарии в голову лезут, — произнёс он тихо, но чётко, а затем

открыл дверь в подъезд. — Заходи !

— Я с тобой никуда не пойду , Петров! - огрызнулась Лиза.

— Ну значит стой тут как дура до утра ! - воскликнул Сергей . — Потому что лично я иду домой . И да ! Я живу в этом доме и именно здесь по несчастливому стечению обстоятельств поселилась и ты на мою голову !

Лиза замерла. Слова обрушились на неё неожиданностью. Она медленно, недоверчиво отвела взгляд от его лица к его руке. В его пальцах болталась связка ключей. Среди них был знакомый, синий брелок в виде сломанного фотоаппарата. Старый. Её подарок.

— Чего? — выдавила она, ощущая, как почва уходит из-под ног. — С каких пор ты тут живёшь?

— С тех пор как купил тут квартиру, — ядовито ответил он.— Пару лет назад. Представляешь , такое бывает ! Люди покупают квартиры и меняют место жительства !

Наступила тяжёлая пауза. Лиза стояла, переваривая этот абсурд. Затем, к собственному удивлению, она почувствовала, как на её губах появляется кривая, почти беззвучная улыбка. Нервы, усталость и юмор ситуации слились воедино.

— Ипотека? — спросила она, и её голос прозвучал странно звонко в ночной тишине. Это была глупая, отчаянная попытка вернуть хоть какую-то лёгкость, найти точку опоры в этом рушащемся мире.

— Чего? — спросил он удивленно, но Лиза видела как на

его лице появилась та сама едва заметная тень улыбки. — Ты точно больная, Маркова! Что у тебя вообще в голове ?

Он вошел внутрь, держа дверь. Лиза, на автомате, шагнула за ним. Подъезд был темным, с обшарпанными стенами, исписанными телефонами и признаниями в любви. На втором этаже Сергей остановился у серой металлической двери с цифрой «5», а Лиза как во сне, прошла мимо и остановилась возле двери с цифрой «6». Ключ в ее руке вдруг показался невероятно тяжелым.

— Так значит , мы с тобой теперь соседи , Петров ! – подвела итог Лиза. – Обещаю не шуметь , тут наверняка стены из картона ! Но это не точно , Петров , имей в виду !

— Да, тут слышно каждый шорох , так что будь потише , потому что у меня очень чуткий сон!

— Я помню! – выпалила она, и тут же пожалела. Эти слова повисли в затхлом воздухе подъезда, словно призрак. Она резко повернулась, вставила ключ в свою дверь и нырнула в темноту чужой квартиры, захлопнув дверь так, будто отсекала не только его, но и весь этот день.

В квартире на втором этаже Лиза не включала свет. Она стояла посреди пустой квартиры, освещенной только мертвенно-синим светом уличного фонаря за окном. Кирпичная пятиэтажка. Дыра. И он... прямо за стеной. Абсурд ситуации был таким оглушительным, что хотелось смеяться. Или кричать. Вместо этого она медленно сползла по стене на холодный линолеум.

Но смех застрял в горле, задавленный тяжелой, ледяной глыбой другого осознания. Она закрыла глаза, и перед ней встала не абсурдность соседства с бывшим, а дрожь Даны. Пустой дом Софы. Исчезнувший ошейник. Страх в голосе подруги, которому она не поверила.

Именно в этот момент на лестничной клетке раздались чёткие, быстрые шаги на каблуках. Затем — резкий, нетерпеливый стук в соседнюю дверь.

— Серёж! Открывай, я знаю, ты дома!

Голос был женским, молодым и очень настойчивым. Ли-за замерла, прислушиваясь. Так вот оно как. Не только прошлое в виде несостоявшейся невесты вернулось в город. У настоящего, оказывается, тоже были свои, весьма голосистые, претенденты.

Глава 5.

Сережа, открывай! — не унималась поздняя гостья, и её голос, сладкий до приторности, просачивался сквозь щели в дверном косяке, как сироп по холодному блюду.

Лиза замерла у себя в прихожей, так и не сняв куртку. В одной руке — застывший в воздухе ботинок, в другой — ключи, врезавшиеся в ладонь. Из соседней квартиры донеслись возня и характерный лязг засова.

«Неужто ручки дрожат при виде благоверной?» — пронеслось в голове, и Лиза даже сама себе мысленно поаплодировала за ядовитость формулировки. Она ожидала, что эта мысль принесёт удовлетворение, сладкий привкус мщения. Но вместо этого внутри что-то неприятно кольнуло. Странно. Думать о Петрове или тем более ревновать его — занятие для клинических идиотов. А она, слава богу, диагноз свой знает и лечиться не собирается.

— Сережа, ну чего ты так долго? — проворковала незнакомка голосом, которым обычно разговаривают с младенцами или очень пушистыми котятами. — Я тут замёрзла уже!

— Анджела, чего тебе? — рявкнул Петров так грубо, будто пытался отогнать бродячую собаку от мусорного бака.

Анджела!

Лиза зажала рот ладонью, но смех — предательский, почти истерический — всё равно прорвался сквозь пальцы ши-

пящим фырканьем. Она присела на корточки прямо у двери, боясь дышать. Анджела! Нет, вы слышали? Господи, где он откопал это имя? В мыльной опере девяностых? У неё ещё и маникюр, наверное, сантиметров пять, и ресницы, как у стрекозы-мутанта!

И почему-то именно это — дурацкое, почти карикатурное имя и этот приторный, обволакивающий голосок — принесли Лизе необъяснимое облегчение. Смех вышел наружу, разрядил напряжение, скопившееся за день. А всё почему? — спросила она себя, отсмеявшись в кулак. Да потому что каким бы мудаком Петров ни был, вкус у него всегда имелся. И связаться с дамочкой, чьё имя звучит как название дешёвого средства для мытья окон, он бы не смог. Ну, не смог бы чисто физиологически! Хотя... Она на секунду задумалась. Кого это, интересно, волнует? Меня? Вот ещё!

— Чего ты такой суровый, Серёж? — протянула Анджела, и в её голосе зазвенела обида. — Я же к тебе с душой, а ты...

— Всё нормально! Просто проблемы на работе! — отрезал Петров тоном, которым обычно обрывают телефонных мошенников.

— Устал, наверное... — Голос Анджелы стал вкрадчивым, мурлыкающим. — Давай я тебя пожалею. Ты расслабишься, я знаю один способ...

— Послушай, я же говорил тебе сюда не приходить! — воскликнул Петров и тут же, словно спохватившись, понизил голос почти до шёпота. Видимо, вспомнил, что стены

здесь картонные, а новая соседка — та ещё засранка с отличным слухом.

«О, Петров, ты даже не представляешь, насколько у тебя хорошая соседка!» — подумала Лиза, бесшумно сползая по стене на корточки и припадая ухом к холодной двери. Ботинок выпал из ослабевшей руки и глухо стукнулся о половик. Она замерла. И начала размышлять внутри себя.

«Да, интерес к жизни Петрова у меня остался. Хоть тресни. И одно дело, когда ты живёшь в трёх часах езды и не видишь его годами — там он был просто плоским воспоминанием, карточкой в пыльном альбоме. И совсем другое — когда он здесь, за стенкой, и какая-то Анджела (боже, Анджела!) воркует ему про «расслабиться». Тут даже у монашки нервы сдадут!»

— Последние дни ты какой-то злой! Что происходит? — требовала гостья, и в её голосе уже не было сладости — только настойчивость следователя прокуратуры.

— Слушай, давай не будем ничего выяснять, — устало ответил Сергей. — Ты и сама знаешь какие у нас отношения. Что на тебя нашло? Приходишь без приглашения...

— Может быть... я просто соскучилась! — Всхлип? Или искусная имитация? Лиза не могла разобрать. — И устала ждать приглашения, Серёж! А ты? Скучал?

— У меня нет времени скучать, — отрезал Петров. — Ты же знаешь какая у меня работа.

— Знаю, знаю, — в голосе Анджелы зазвенела обида. — Всегда у тебя работа. Но, Серёж, разве у нас в последнее время произошло что-то криминальное? Не слышала о таком! Город-то маленький, уже бы трубили на каждом углу. Или, — она сделала драматическую паузу, — или ты что-то скрываешь?

— Если информацию не разнесли по всему городу, это не значит, что ничего не происходит, — отчеканил он. — Просто некоторые люди умеют хранить тайны, а не сплетничать направо и налево.

«Ой, Петров, осторожнее, — мысленно усмехнулась Лиза. — Сейчас получишь допрос с пристрастием.»

— Ой, как интересно! — Анджела явно уцепилась за наживку. — Серёж, ты знаешь какую-то ценную информацию? Ну расскажи мне, пожалуйста! Я никому не скажу! Честно-честно! Я могила!

— Я ничего рассказывать не буду! — прошипел Сергей. — И прекрати это...

— Фу, какой ты скучный стал! — перебила Анджела, и в её голосе зазвучали капризные нотки. — А может, ты обманываешь? Нет у тебя никаких важных дел! Может, я тебе просто не нравлюсь больше? Хотя, — она хмыкнула с самоуверенностью, достойной лучшего применения, — надо быть сумасшедшим, чтобы я перестала нравиться. Или... — Пауза. Лиза физически ощутила, как Анджела примеряет на себя роль доктора Хауса. — Или у тебя проблемы со здоро-

вьем, а, Серёж? Ты не стесняйся, расскажи! Мы вместе придумаем, что с этим делать. Сейчас медицина...

— Да ты с ума сошла?!

Лиза не выдержала.

Взрыв хохота вырвался наружу, как пробка из бутылки шампанского, которую трясли полчаса. Громкий, залихватистый, совершенно неприличный хохот разнёсся по лестничной клетке, отразился от стен и, кажется, даже заставил лампочку моргнуть. Лиза согнулась пополам, вцепившись в дверную ручку, чтобы не сползти на пол окончательно. По щекам текли слёзы. Она подозревает Петрова в импотенции! Господи, спаси и сохрани, это лучшее, что я слышала за последние пять лет!

Она представила лицо Сергея в этот момент — эту смесь оскорблённого достоинства, мужской гордости и полного, абсолютного неверия в происходящее. Бедный Петров. Видимо, от тоски и скуки связался с этой феей, а она уже мысленно купила свадебное платье, расписала план на десять лет вперёд и теперь бежит за ним с проверкой боеготовности.

Снаружи донёсся глухой рык:

— Уходи. Сейчас же.

— Ну ладно-ладно! Прости, я не хотела... — залепетала Анджела, и в её голосе теперь слышались испуганные нотки. — Я просто переживаю за тебя, ты же знаешь...

Дальше Лиза различала только обрывки фраз: «позвони», «не злись», «я же люблю тебя, дурака». Потом щёлкнул за-

мок, и цоканье каблучков — быстрое, обиженное — застучало вниз по лестнице, удаляясь, затихая, растворяясь в ночной тишине двора.

Лиза всё ещё сидела на корточках у своей двери, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. Ну и цирк. Она медленно поднялась, подобрала с пола ботинок. За стеной было тихо.

Она разулась, прошла в комнату и рухнула на скрипучую кровать, не раздеваясь. Глаза смотрели в потолок, на котором в синеватом свете уличного фонаря плясали тени от веток старого клёна. В голове крутилась карусель из обрывков сегодняшнего дня: мёртвый чай Софы в кружке, дрожащая спина Даны, мать Софы с её нечеловеческой надеждой, брелок-фотоаппарат в руках Петрова, и этот голос Анджели. «Серёж, проблемы со здоровьем...»

Она усмехнулась в темноту.

«Петров, ну ты даёшь. Я уехала — а ты совсем распустился. Раньше у тебя вкус был получше.»

Но смех быстро угас.

Тишина давила. Лиза ворочалась с боку на бок, сбивая одеяло в бесформенный ком. Мысли не отпускали — они кружили вокруг одного и того же чёрного провала, имени, которое она боялась произнести вслух. Софа. Где она? Что с ней? Слышит ли она сейчас хоть что-то? Видит ли звёзды над этой проклятой крышей? Или уже ничего не видит?

Она проваливалась в сон — короткими, рваными ныр-

ками. Ей снилась Дана, бегущая по бесконечному лесу, и красный ошейник, застрявший где-то в ветвях. Снилось Софа, сидящая на собранном чемодане и улыбающаяся: «Ты не представляешь, Лизка, какие там закаты! Я насмотреться не могу». Снился Петров, молодой, без этих усталых складок у рта, и его пальцы, перебирающие её плёнки на свету. «Смотри, это передержка. А здесь — недодержка. Идеально — почти никогда не получается».

А потом реальность ворвалась в сон острым, как лезвие, звуком.

Телефонный звонок. Резкий, требовательный. Но звонил не её мобильный — звук шёл сквозь стену.

Лиза села на кровати, мгновенно проснувшись. Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавал в висках. Голос Петрова — громкий, встревоженный, совсем не похожий на того сонного и раздражённого мужика, который пару часов назад выпроваживал незадачливую поклонницу, — пробивался сквозь тонкую перегородку.

— Где? — резко, почти выкрикнул он. — Как? Точно?.. Нет, ждите меня. Ничего не трогать! Слышите? Совсем ничего! Я буду через десять минут!

За стеной хлопнула дверь его квартиры, загремели ключи, торопливые шаги прогрохотали по лестнице вниз. Лиза вскочила с кровати, путаясь в одеяле, босиком метнулась к окну. Рванула створку, холодный ночной воздух ударил в лицо, взлохматил волосы.

— Петров! — крикнула Лиза в ночь, перегнувшись через подоконник.

Он обернулся на голос. В свете уличного фонаря она увидела его лицо — бледное, с жёстко сжатыми челюстями, глаза, в которых плескалось что-то тёмное и страшное. Их взгляды встретились на долю секунды. Лиза ждала, что он скажет хоть что-то, крикнет в ответ, позовёт с собой, объяснит...

Сергей молча отвернулся, сел в машину и захлопнул дверцу. Двигатель взревел, фары метнулись по двору и погасли, когда автомобиль, взвизгнув шинами, скрылся за поворотом.

Лиза замерла у окна, вцепившись в подоконник. Холод пробирал до костей, но она не чувствовала его. Только пустоту в груди и предательскую дрожь в коленях.

Тишина обрушилась снова. Но теперь она была другой — не давящей, а звенящей, натянутой до предела, как струна перед разрывом.

Софа.

Это связано с ней. Лиза знала это каждой клеткой, каждой мурашкой, бегущей по рукам. Он нашёл что-то. Или кого-то. И уехал один. Не позвал. Даже не ответил.

Она стояла у открытого окна, глядя в пустоту ночной улицы. В голове билась одна-единственная, холодная и отчаянная мысль:

«Петров, если ты нашёл её без меня — я тебе этого не прощу. Но если ты уехал, чтобы спрятать меня от правды...»

Она захлопнула окно, прижалась лбом к холодному стеклу.

«...то ты всё такой же идиот, как и много лет назад.»

Глава 6.

Сергей выжал педаль газа до упора, и старенькая машина, жалобно застонав, рванула в ночь. Фары выхватывали из темноты куски асфальта, обочину с пожухлой травой и стволы сосен, которые внезапно вырастали перед капотом и так же внезапно исчезали сзади. Лес надвигался с обеих сторон, чёрный, плотный, как стена.

В голове пульсировала одна мысль: опоздал. Опоздал. Опоздал.

Он въехал на место происшествия через пятнадцать минут после звонка. У обочины уже стояла патрульная машина с включёнными мигалками, их сине-красные всполохи нервно плясали по стволам деревьев, создавая сюрреалистическую картину — будто лес пульсировал в такт чьему-то больному сердцу. Возле машины, освещённые фарами, толпились люди.

Двое в форме — патрульные, молодые, с растерянными лицами, какие бывают у людей, которые впервые в жизни столкнулись с чем-то по-настоящему страшным. Они переминались с ноги на ногу, косились в сторону тёмного леса и говорили приглушёнными голосами, будто боялись, что их услышит кто-то, кто там, в этой темноте.

И двое гражданских — мужики, лет сорока-пятидесяти, в обычных куртках и кепках. Те самые водители-дальнобой-

щики, которые ехали по трассе и решили остановиться на обочине по нужде. Один курил, жадно затягиваясь, и рука его заметно дрожала. Второй стоял, прислонившись к кабине фуры, и смотрел в темноту леса так, будто оттуда на него вот-вот кто-то выйдет. Оба нервно оглядывались, и в их глазах читался один и тот же вопрос: «А что, если мы нашли не просто вещи? Что, если это место преступления?»

Сергей выскочил из машины, даже не заглушив двигатель. Хлопнул дверцей так, что, кажется, птицы в окрестных кустах попадали с веток.

— Где? — рывкнул он, подлетая к группе.

Молодой лейтенант, бледный, с круглыми от напряжения глазами, ткнул пальцем в сторону обочины.

— Там, товарищ следователь. В кювете. Мужики остановились по нужде и наткнулись.

Сергей рванул туда, освещая путь фонариком. Луч метался по земле, выхватывая мокрые листья, примятую траву, чей-то окурок. И вдруг — остановился.

Вещи лежали в небольшом овражке, метрах в пяти от дороги. Будто их скинули в спешке.

Сергей опустился на корточки, стараясь ничего не касаться руками. Луч фонаря скользнул по земле и замер.

Рюкзак. Обычный городской рюкзак, тёмно-синий, с нашивкой в виде смешного кота. Сергей помнил эту дурацкую морду. Софа таскала его с собой постоянно уже много лет — ещё с универа, наверное. Кот был уродливый, с выпученными

ми глазами и кривой улыбкой, но она его обожала. Говорила, что он приносит удачу. Рюкзак был расстёгнут, и содержимое частично вывалилось наружу.

Фонарик. Небольшой, туристический, чёрный, с потёртостями на корпусе. Рядом валялись запасные батарейки.

Лакомства для собак. Несколько пакетиков, ярких, с надписью «Мясное ассорти». Один был надорван, будто кто-то спешно вытаскивал угощение, чтобы успокоить или отвлечь собаку.

Кепка. Лёгкая, бежевая, с козырьком. Сергей видел на Софе такую в тот день, когда встретил её у магазина. Она поправляла волосы, улыбнулась ему, сказала что-то смешное про погоду. Дурацкая, ничем не примечательная кепка. Которая теперь валялась в грязи.

Куртка. Теплая ветровка, светло-зелёная, совсем новая. Она лежала отдельно, в стороне от остальных вещей, будто её сбросили в последнюю очередь — или она слетела, когда тело тащили. Карманы были вывернуты. Сергей поднёс фонарик ближе.

И замер.

Кровь. На рукаве куртки, возле манжеты, тёмное, почти чёрное пятно. Небольшое, но отчётливое. В свете фонаря оно казалось провалом в ткани, входом в другую реальность. А на рюкзаке, внизу, возле шва — ещё одно. Брызги? Или она прижимала руку к ране, пока бежала?

Сергей медленно выдохнул. Воздух вышел из лёгких со

свистом, будто его ударили под дых.

Кровь. Это уже не просто пропажа. Это не «загуляла». Это не «заблудилась».

— Шеф? — раздался голос лейтенанта за спиной. — Что там?

Сергей не ответил. Он водил фонариком по куртке, по рюкзаку, по земле вокруг. Больше крови не было видно. Или её не было, или темнота скрывала.

Но главное — то, чего не было.

Поводка нет. Ошейника нет.

Только пакетики с лакомствами. Собака сорвалась? Её отпустили? Или она вырвалась, когда поняла, что хозяйке грозит опасность? А может, её увели специально, чтобы она не мешала?

Он поднялся. Колени хрустнули. Тело слушалось плохо, будто налилось свинцом. Он смотрел на вещи, и внутри всё стыло. Это были не просто вещи. Это был крик. Немой, страшный, застывший в луче фонаря.

— Это её, — сказал он глухо. — Софья Симонова. Пропавшая два дня назад. Уже три дня назад.

— Точно? — лейтенант подошёл ближе. — Может, совпадение?

Сергей обернулся и посмотрел на него так, что парень сделал шаг назад.

— Я не верю в совпадения, лейтенант. Тем более такие. Он достал телефон, чтобы сфотографировать место, но

палец завис над кнопкой. Если позвонить матери Софы сейчас — она сорвётся, приедет, увидит это. А у неё сердце. И приступ уже был. Нет. Нельзя. Утром. Когда можно будет что-то сказать, а не просто показать кучу тряпок в грязи.

— Когда сможем прочесать лес? — спросил он, пряча телефон.

Лейтенант переглянулся с подошедшим напарником.

— Шеф, сейчас почти два ночи. Темень — глаз выколи. Добровольцев не соберём до утра, а те, кто есть, даже с фонарями ни черта не увидят. Только следы затопчут. Утром, как рассветёт, поднимем всех. К обеду...

— К обеду?! — взорвался Сергей. Голос эхом прокатился по лесу, спугнув ночную тишину. — Вы понимаете, что за трое суток можно сделать с человеком? Что можно сделать с женщиной в лесу? А к обеду мы только начнём!

Он замолчал, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Перед глазами стояло лицо Лизы. Её глаза, когда она кричала ему вслед из окна. Её отчаяние. Её злость. И её страх, который она так отчаянно прятала за сарказмом.

— Шеф, — осторожно начал старший опер, — вы думаете, тут криминал? Может, просто... ну, потерялась девчонка? С собакой гуляла, забрела куда-то, вещи побросала...

— Криминал? — перебил Сергей, и голос его звучал глухо, почти обречённо. — Очень хотелось бы, чтобы нет. Очень хотелось бы, чтобы она сейчас сидела где-нибудь в деревне, пила чай и ругалась, что мы ищем её не там. Но... —

Он кивнул на рюкзак. — Смотри. Рюкзак не брошен в панике, не вывернут. Он лежит аккуратно, но расстёгнут. Будто кто-то спокойно, без спешки, доставал оттуда вещи. Лакомства рассыпаны — не в спешке, а будто их вытащили и бросили. На куртке и рюкзаке — кровь. Не брызги, а пятна. Она истекала кровью, когда это происходило. Или уже потом, когда её тащили.

Он замолчал, переводя дыхание. Потом продолжил, и голос его стал тише, но от этого не менее страшным:

— И главное — собака. Её дога нашли вчера в двадцати километрах отсюда, на железнодорожной станции. Без ошейника. Без поводка. Двадцать километров, мать вашу! Собака бежала оттуда, где всё случилось, до станции двадцать километров! Вы представляете, какой ужас должен был гнать животное через лес, чтобы оно пробежало такое расстояние? Собаки так просто не бросают хозяев. Они либо умирают рядом, либо бегут за помощью. Или бегут от смерти.

Он обвёл взглядом притихших оперативников.

— Куда делся поводок? Почему ошейник сняли? Если бы она просто сорвалась — ошейник остался бы на ней. Если бы она вырвалась — поводок волочился бы за ней. Но ничего этого нет. Кто-то снял с собаки ошейник. Зачем? Чтобы она не мешала? Чтобы не привлекала внимания? Или чтобы замести следы?

Он снова посмотрел на вещи, на тёмный лес за ними.

— Если бы она просто сбежала — зачем снимать куртку?

Зачем бросать рюкзак с документами и деньгами, которые наверняка были внутри? Зачем оставлять фонарик, если ты в лесу ночью?

— Может, она разделась, потому что ей стало жарко? — неуверенно предположил молодой патрульный. — Испугалась, побежала, скинула лишнее... Может она была пьяная или еще чего ...

Сергей усмехнулся — горько, без тени веселья.

— Жарко? Ночью, когда температура плюс пять? Раздеваются, когда бегут от страха, да. Но не снимают куртку аккуратно и не складывают её рядом с рюкзаком. Её стаскивают, сдирают, рвут. А здесь... Здесь всё лежит слишком спокойно. Будто кто-то собирал вещи. Или разбирал их. Искал что-то. Или забирал трофеи.

Он замолчал. Тишина в лесу стояла мёртвая. Даже ветер стих.

— Что-то не так, шеф? — спросил лейтенант, видя, как Сергей вглядывается в темноту, в те самые заросли, куда не доставал свет фар.

Сергей обернулся. Его лицо в свете мигалок казалось высеченным из камня.

— Всё не так! — взревел он вдруг с такой силой, что лейтенант вздрогнул. — Всё не так, мать вашу! Трое суток мы ждали, что она вернётся! Трое суток слушали, какая она хорошая девочка и что не могла пропасть! А теперь — это. И

мы снова ждём. До утра.

Он замолчал, переводя дыхание. Перед глазами снова стояло лицо Лизы, когда она кричала ему из окна. В этом взгляде было всё: злость, страх, отчаяние и... надежда. Надежда на него. На то, что он сделает всё правильно. А он стоял здесь, в лесу, и ничего не мог сделать до чёртового рассвета.

— Ладно, — выдохнул он, проводя рукой по лицу. — Оцепление здесь выставьте. Никого не пускать. Вещи собирать, в протокол всё подробно. Утром, с первыми лучами, начинаем прочёсывание. И добровольцев через соцсети. Пусть раскошегаривают всё, что можно.

— Понял, шеф. А вы?

Сергей уже шёл к машине. Он остановился, не оборачиваясь.

— Мне надо ехать.

Он сел в машину, захлопнул дверцу и замер. Руки лежали на руле, но сил завести двигатель не было. Он смотрел в одну точку — туда, где за чёрной стеной леса, за поворотом дороги, за спящими домами, в окне на втором этаже его ждала Лиза.

Он знал это. Знал каждой клеткой. Она не спит. Она мечется по комнате, кусает губы, смотрит на телефон. Или уже оделась и готова бежать куда угодно, лишь бы не сидеть в неизвестности.

Я не могу приехать к ней с пустыми руками, — подумал Сергей. — Я не могу сказать ей: «Мы нашли её вещи в лесу.

А её самой нет». Я не могу смотреть в её глаза и врать, что всё будет хорошо.

Он зажмурился, сжал руль так, что кожаная оплётка жалобно скрипнула. В голове билась одна мысль: Лизка, прости. Прости меня за всё. За то, что тогда. За то, что сейчас. За то, что я приду к тебе и принесу только плохие новости.

Он завёл машину. Двигатель взревел, разрывая тишину ночного леса. Фары полоснули по стволам, по фигурам оперативников, замерших у обочины. И машина сорвалась с места, унося его обратно в город.

К ней.

Глава 7.

Сергей заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на темный силуэт пятиэтажки. Глухая ночь накрыла двор плотным одеялом, лишь редкие окна горели желтым светом — там, где не спали такие же беспокойные души. Он поднял голову к окну на втором этаже, туда, где располагалась квартира Лизы.

Темнота. Ни огонька.

Он выдохнул с таким облегчением, будто скинул с плеч тяжеленный мешок. Уснула. Слава богу. Хоть немного отдохнет. Лицо Лизы, когда она кричала ему из окна, стояло перед глазами всю дорогу — этот отчаянный, полный надежды и злости взгляд. И ведь даже не звонила. Молодец, Маркова. Работаешь над собой.

Он вылез из машины, с трудом разгибая затекшую спину. Тело ломило от напряжения, в висках пульсировала тупая боль. Мысли путались, но одна билась настойчиво: утром, с первым светом, надо поднимать всех. Лес прочесать метр за метром. Найти её. Найти живой.

Он вошел в подъезд. Тусклая лампочка на первом этаже мигала, создавая эффект старой кинохроники — будто всё происходящее было не взаправду, дурным сном. Сергей начал подниматься по лестнице, цепляясь за перила, считая ступени. Пятая, шестая, седьмая...

И замер.

На площадке второго этажа, прямо у его двери, сидела Лиза. Она привалилась спиной к косяку, поджав ноги и уткнувшись подбородком в колени. Глаза её были закрыты, дыхание — ровным, глубоким. Она спала. Прямо здесь, на холодном кафельном полу, в куртке, в обуви.

Сердце Сергея сжалось так сильно, что на мгновение перехватило дыхание. Бедная ты моя...

Она выглядела маленькой и беззащитной — совсем не той язвительной, острой на язык женщиной, которая несколько часов назад врывалась к нему в кабинет и толкала в плечо у подъезда. Сейчас это был просто уставший, загнанный в угол зверёк, который выбился из сил, но продолжал ждать.

Он сделал шаг, стараясь ступать как можно тише. Но его шаг отозвался в тишине подъезда предательски громко.

Лиза вздрогнула, распахнула глаза и в первое мгновение смотрела на него мутным, непонимающим взглядом. А потом узнала.

— Петров! — вскрикнула она, вскакивая так резко, что едва не потеряла равновесие. Сон слетел мгновенно, уступив место прежней лихорадочной тревоге. — Что случилось? Рассказывай!

Сергей смотрел на неё и чувствовал, как внутри всё переворачивается. Волосы растрепаны, под глазами тени, на щеке — красный след от молнии куртки, въевшийся за время сидения на полу.

— Лиза, — сказал он тихо, — что ты тут делаешь?

— Как что? — Она всплеснула руками. — Жду тебя, идиота! Ты уехал среди ночи, даже не сказав ничего! Я думала, ты вернешься через час, а прошло... — она глянула на часы, — ...почти три часа, Петров! Три часа я тут сижу как дура!

— Тебе надо отдыхать, — мягко сказал он, делая шаг ближе. — Ты с ног валишься.

— Да какой отдых?! — рывкнула она, и голос её дрогнул. — Что с Софой? Ты нашёл её? Говори, Петров, не тяни!

Он глубоко вздохнул. Прятаться было бессмысленно — она всё равно не отстанет, да и не имел он права скрывать. Только правда. Какая бы страшная она ни была.

— Может, зайдём внутрь? — предложил он, кивая на дверь. — Не на лестнице же...

— Ты что, на чай меня приглашаешь, Петров? — фыркнула она, и в голосе снова зазвенел знакомый сарказм. — Ты больной вообще? Я тут стерегу тебя возле двери, чтобы узнать новости, а ты ведёшь себя как придурок!

Сергей знал Лизу много лет. Знал, что её острый язык — всегда была защита, броня, за которой она прятала настоящие чувства. А после всего, что было между ними, эта броня стала втрое толще. Но сейчас он видел: за сарказмом прячется животный, ледяной страх. И поэтому не обижался. Просто ждал, когда она выдохнет.

И вот она выдохнула. Отвела взгляд, сжала губы и тихо, уже без прежней агрессии, повторила:

— Рассказывай. Пожалуйста.

И от этого «пожалуйста» у него внутри всё оборвалось.

Он начал рассказывать. Говорил тихо, стараясь не давить, но и не смягчая углы. Про двух дальнобойщиков, которые остановились по нужде и наткнулись на вещи в кювете. Про рюкзак с дурацким котом — Лиза при этих словах судорожно вздохнула, узнав его. Про фонарик, лакомства для собаки, кепку, куртку...

— Там кровь, Лиза, — сказал он, глядя ей прямо в глаза.

— На куртке и на рюкзаке. Пятна. Немного, но есть.

Она побелела так резко, что Сергей испугался — не упадёт ли. Но Лиза устояла. Только вцепилась пальцами в собственную куртку, сжимая ткань до хруста.

— Собаку мы с тобой нашли в двадцати километрах, — размышлял он вслух. — Без ошейника, без поводка. Просто бегала у станции, испуганная.

— Без ошейника... — эхом повторила Лиза. — Она бы никогда... Софа никогда не снимала с неё ошейник. Это же её ребёнок... Двадцать километров ... Это очень странно, Петров.

— Я знаю.

— Почему вы её не ищете?! — вдруг выкрикнула она, и голос её сорвался. — Прямо сейчас! В лесу! Она там, она ранена, она...

— Лиза! — Сергей шагнул к ней, взял за плечи, встряхнул слегка. — Лиза, послушай меня. Сейчас ночь. Там темно,

хоть глаз выколи. Мы отправим людей — и они ничего не увидят, только следы затопчут. А если она... если она ранена и где-то лежит, мы можем просто пройти в двух метрах и не заметить в этой темноте. Я сам очень зол, поверь! Я рвал и метал там, но ничего нельзя сделать до рассвета.

Она смотрела на него, и в её глазах плескалась такая бездна отчаяния, что у Сергея защемило сердце.

— Утром, — сказал он твёрдо. — С первыми лучами солнца я сам отправлюсь на поиски. Подниму всех, кого смогу. Обещаю тебе.

— Обещаешь? — спросила она тихо, и в этом вопросе было что-то детское, доверчивое, от чего у него перехватило горло.

Она смотрела ему в глаза. Не так, как несколько часов назад — колюче, зло, с вызовом. По-другому. Так, как смотрела много лет назад, когда они были вдвоём и когда мир казался простым и понятным.

— Обещаю, — ответил он, не отводя взгляда.

Время остановилось. Секунды текли мимо них, а они стояли на лестничной клетке, разделённые парой шагов, и смотрели друг на друга сквозь годы обид, невысказанных слов и старой боли.

И вдруг Лиза всхлипнула.

Она сдерживалась долго. Весь день, весь вечер, всю эту бесконечную ночь она держала оборону, отбиваясь сарказмом и злостью от собственного страха. А сейчас — слёзы

хлынули сами, прорывая плотину. Она закусил губу, пытаясь остановить их, но было поздно.

Сергей шагнул к ней, осторожно, боясь спугнуть. Он не знал, что сказать. Просто протянул руку и дотронулся до её ладони.

— Всё будет хорошо, — произнёс он тихо.

— Нет, Петров! — выдохнула она, и голос её дрожал. — Ничего уже не будет хорошо. Я опоздала. Ты опоздал. Мы все опоздали.

— Нет! — возразил он, сжимая её пальцы. — Мы найдём её. Слышишь? Мы найдём.

— Всё кончено, — прошептала Лиза, глядя куда-то сквозь него. — Я это чувствую, понимаешь? Чувствую каждой клеткой. Я сразу это почувствовала, поэтому и примчалась в этот чёртов город. Знала, что случилось что-то плохое. Просто не хотела верить. А сейчас... — она всхлипнула, — сейчас я знаю точно. Софка... родная моя... прости меня...

Она закрыла лицо руками, и плечи её затряслись.

Сергей не выдержал. Сделал шаг, притянул её к себе и обнял. Крепко, как тогда, много лет назад, когда она плакала из-за своих родителей, из-за очередного скандала дома. Она уткнулась лицом ему в грудь, вцепилась пальцами в куртку и плакала — беззвучно, судорожно, всем телом.

Он гладил её по спине, чувствуя, как тонко бьётся её сердце. Как она дрожит. Как мокнет ткань его куртки от её слёз. И вдруг его тело откликнулось.

Жар разлился по груди, по рукам, сжалось что-то внутри. Он ощутил её запах — тот самый, едва уловимый, легкий, который помнил все эти годы. Ощутил тепло её тела, прижавшегося к нему в поисках защиты. И понял, что ничего не изменилось. Что он всё ещё реагирует на неё так, как не реагировал ни на одну женщину за эти годы.

Твою ж мать, Петров. Только не сейчас.

Он осторожно, мягко отстранился. Отпустил её, сделал шаг назад, пряча глаза.

— Будешь чай? — спросил хрипло, первое, что пришло в голову.

Лиза подняла на него заплаканные глаза. В них мелькнуло что-то — то ли удивление, то ли насмешка.

— А есть что покрепче?

Сергей усмехнулся краем губ.

— Виски есть.

— Отлично, сойдёт, — кивнула она и, шмыгнув носом, решительно смахнула слёзы тыльной стороной ладони.

Это было мгновенное превращение. Только что она лежала у него на груди, раздавленная горем, а сейчас — подобралась, расправила плечи, и на лицо снова натянула ту самую железную маску, за которой пряталась все эти годы.

— Ну показывай, Петров, — усмехнулась она, и в голосе снова проскользнули знакомые ядовитые нотки. — Как ты тут устроился со своей ипотекой. Интересно, твой вкус хоть немного изменился или тут всё те же занавесочки в цвето-

чек?

— Какие цветочки, ты с ума сошла? — фыркнул он, открывая дверь. — У меня холостяцкая берлога. Минимум мебели, максимум свободного пространства.

— Ой, сейчас посмотрим, — бросила она и шагнула в темноту его квартиры. — Включай свет, не стесняйся. Я готова к самому худшему.

Лиза шагнула в его квартиру. А может быть — в его жизнь. В его сердце. Снова. И где-то там, в глубине, что-то щёлкнуло, как старенький затвор фотоаппарата — запечатлевая этот миг навсегда. Софу они будут искать завтра. А сегодня — сегодня просто ночь. Ночь, в которой двое бывших снова стали просто людьми. Просто Лизой и просто Петровым. Которые, кажется, так и не научились друг без друга

Глава 8.

Сергей щёлкнул выключателем, и прихожая залилась жёлтым светом. Лиза окинула взглядом вешалку с единственной курткой, обувную полку с двумя парами обуви, зеркало в прихожей.

— Аскетично, — констатировала она. — Прямо спартанские условия. Ты тут вообще живёшь или только ночуешь?

— Работаю в основном, — буркнул Сергей, проходя на кухню. — Проходи, не стесняйся.

Лиза шагнула за ним и замерла на пороге кухни, окидывая взглядом небольшое помещение. Стол, два стула, холодильник, старая плита с облупившейся эмалью. И на подоконнике — одинокий цветок в горшке, который отчаянно боролся за жизнь, но, судя по жёлтым листьям и поникшему стеблю, проигрывал эту битву с оглушительным счётом.

— А это что за зомби-растение? — ткнула она пальцем в сторону подоконника. — Оно тебя в заложники взяло? Требует выкуп водой и светом?

Сергей проследил за её взглядом и усмехнулся.

— Герань, кажется. Или не герань. Мать подарила, сказала, что без живого существа я совсем одичаю. Велела заботиться.

— Ну, судя по состоянию товарища, ты одичал окончательно и бесповоротно, — хмыкнула Лиза, усаживаясь за

стол. — Он же не просто умирает, Петров. Он страдает. Вон как листья свесил, прямо театральная постановка «Гибель надежды».

— Он крепкий, — отмахнулся Сергей, доставая с верхней полки початую бутылку виски и два пузатых стакана. — Переживёт. Мы с ним одной крови — оба живучие, как тараканы.

— Очень лестное сравнение, — фыркнула Лиза, принимая стакан.

Он плеснул янтарную жидкость на доньшко, себе налил щедрее. Сел напротив, рассматривая её при нормальном свете. Под глазами тени, губы искусаны в кровь, но взгляд — всё тот же, цепкий, живой, насмешливый. Броня снова на месте.

— За Софу, — сказала Лиза, поднимая стакан. — Чтобы мы нашли её. Живой.

— За Софу, — кивнул Сергей.

Они выпили. Обжигающая жидкость прокатилась по горлу, разлилась теплом в груди. Лиза поморщилась, занюхала рукавом и вдруг неожиданно улыбнулась.

— Хороший виски. Не ожидала от тебя.

— А чего ты ожидала?

— Не знаю. Что ты пьёшь какую-нибудь бормотуху из пакетов. Или вообще завязал и глушишь кефир на ночь.

— Разочарована?

— Пока нет, — она смотрела на него поверх стакана, и в её взгляде мелькнуло что-то, от чего у Сергея привычно

ёкнуло сердце.

Он разлил по второй.

— Рассказывай, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Как ты вообще? Как работа? Ты же фотографом стала, да? Настоящим?

Лиза оживилась. Глаза вспыхнули тем особенным огнём, который Сергей помнил ещё с юности — когда она говорила о деле, которое любила больше всего на свете.

— О, Петров, это был тот ещё квест, — она откинулась на спинку стула, и впервые за этот вечер напряжение чуть отпустило её плечи. — Знаешь, сколько я в Москве по съёмным углам мыкалась? Сколько раз хотела всё бросить и пойти работать кассиром? Потому что кормить себя фотографией — это, оказывается, не просто «купил камеру и пошёл снимать».

Сергей молча слушал, отмечая, как меняется её лицо — из усталого, затравленного становится живым, настоящим.

— Я начинала с детских утренников, — продолжила Лиза. — Это был ад, Петров. Бегающие дети, орущие родители, вечно недовольные, что их чадо вышло не с того ракурса. Потом были корпоративы — пьяные дядьки, лезущие в кадр, и тётки, требующие фотошопа «чтоб как в соцсетях». Я ненавидела это. Честно. Каждую съёмку ненавидела.

— Но ты же не бросила, — тихо заметил Сергей.

— А куда бросать? — усмехнулась она. — Возвращаться сюда? К родителям? В этот... райский сад? Нет уж. Я лучше

голодная, но свободная.

Она сделала глоток виски, поморщилась.

— А потом... потом я поняла, что так больше нельзя. Что если я сдохну от ненависти к своей работе, то какой смысл был во всём этом? И я начала искать себя. Пробовать разное. Снимала стариков в деревнях — знаешь, у них такие лица, что никакой фотошоп не нужен. Снимала бездомных, снимала музыкантов в подземных переходах. Бесплатно, за спасибо, за возможность научиться.

— И научилась?

— Научилась, — кивнула она. — Однажды ко мне пришла женщина. Обычная, никакая. Сказала: «Хочу портрет для мужа, у нас годовщина». Я её снимала три часа. Три часа, Петров! Мы пили чай, разговаривали, она плакала, я плакала. А в конце я сделала один кадр. Один. И когда она его увидела — она закричала. Буквально закричала от счастья. Сказала, что не знала, что можно так выглядеть. Что она всегда считала себя страшной, а тут... тут увидела себя настоящую.

Она замолчала, глядя в стакан.

— С той женщины всё и началось. Потом были другие. Я специализируюсь на портретах, Петров. Только на портретах. И я не снимаю, пока не почувствую человека. Могу час сидеть, могу три, могу весь день. Мне нужно понять, кто передо мной. Что у него внутри. А потом — щёлк! — и это уже не просто лицо. Это душа.

Она говорила, и Сергей видел, как она преобразается. Исчезла усталость, исчез страх, осталась только она — живая, страстная, одержимая своим делом.

— Первая выставка была в маленькой галерее на окраине, — продолжала Лиза. — Хозяин согласился только потому, что я была готова работать бесплатно — стены красить, рамы вешать, чай гостям наливать. Пришло человек двадцать. Друзья, пара знакомых, случайные прохожие, которые зашли погреться. Но одна женщина купила портрет. Просто подошла и сказала: «Эта женщина похожа на мою маму в юности, я беру!». И заплатила столько, сколько я за месяц не зарабатывала.

— Это сильно, — тихо сказал Сергей. — Правда.

— Ага, — кивнула она, и в глазах мелькнула гордость. — Теперь у меня очередь. Не на три месяца, конечно, но есть. Люди приезжают из других городов. Не потому что я крутая, а потому что я не вру. Я не делаю их красивыми, я делаю их настоящими. А это, оказывается, сейчас дефицит.

— Ты молодец, — сказал Сергей просто. — Я серьёзно. Столько лет... столько работы. Не каждый выдержит.

Лиза посмотрела на него долгим взглядом.

— А ты выдержал бы?

— Я? — усмехнулся он. — Я даже из этого города уехать не смог. Какая уж тут Москва.

— Не в городе дело, Петров, — тихо ответила она. — Дело в том, чтобы не сдаться. Ты не сдался. Я не сдалась. Может,

поэтому мы тут и сидим?

Они замолчали. Тишина была тёплой, почти уютной.

— Я люблю свою работу, — добавила Лиза совсем тихо, будто признаваясь в чём-то сокровенном. — Безумно. Это не просто способ заработать — это... ну, как дышать. По-другому я уже не умею.

Сергей кивнул. Сказать было нечего, да и не нужно. Он просто смотрел на неё — живую, настоящую, ту самую, которую потерял когда-то по глупости. И думал: как же я мог отпустить такое?

— Рад, что твоя мечта сбылась, — сказал он искренне.

— Хотя бы одна, — тихо добавила Лиза, и в голосе её проскользнула горечь. — Хотя бы одна.

Повисла пауза. Сергей разлил еще немного виски — аккуратно, поровну.

— А ты? — спросила Лиза, принимая стакан. — Нравится тебе твоя работа? Или ты еще мечтаешь о чём-то другом?

Он задумался. Станный вопрос, если честно. Кто его вообще об этом спрашивал?

— Ну... — протянул он, — если честно, я представлял её немного иначе. Думал, буду раскрывать сложные дела, ловить опасных преступников, знаешь, как в кино. А в реальности — соседи с топорами, кражи в супермаркетах и пьяные драки у магазина. Но... — он пожал плечами, — в целом доволен. Когда попадаете что-то серьёзное, понимаешь, зачем всё это.

— Как сейчас, — кивнула Лиза.

— Как сейчас, — согласился он.

Они выпили. Молчание затянулось, и Сергей вдруг понял, что не знает, куда девать глаза. Лиза смотрела в окно, на тёмные крыши, на редкие звёзды.

— Как поживает моя родня? — спросила она вдруг, не оборачиваясь. — Часто вызовы принимаете? Не знаешь?

Сергей вздрогнул. Вот оно. Вопрос, которого он ждал и боялся.

— Часто, — ответил он тихо и опустил глаза. — Почти каждую неделю. То шумят, то соседи жалуются, то... ну, ты знаешь.

Пауза.

— Тебе правда это интересно? — спросил он осторожно.

Лиза усмехнулась. Горько, без тени веселья.

— Знаешь, Петров, мне всё равно. Честно. Если они там друг друга поубивают в пьяном угаре — я даже не приеду хоронить. Всё, что могла, я уже отплакала. В детстве. В юности. Сейчас там пусто.

Она говорила, и Сергей видел — не просто слова. В её глазах стояла такая боль, что у него самого защемило сердце. Он знал эту историю. Знал, каково это — расти в доме, где алкоголь важнее детей. Знал, как Лиза ночевала у подруг, лишь бы не слышать очередной скандал и не попадать под горячую руку.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь. — Поздно уже. Зав-

тра тяжёлый день. Давай расходиться?

— Да ну брось, Петров! — воскликнула она, и в голосе появилась та самая, знакомая, озорная нотка. — Давай ещё посидим! Когда ещё такой случай предоставится? Я у тебя в гостях, виски ещё плещется на доньшке... Или ты не рад моему присутствию?

— Рад, — вырвалось у него раньше, чем он успел подумать.

— Вот и славно! — Лиза решительно взяла бутылку и разлила остатки по стаканам. — Давай по последней — и баиньки!

Она подняла стакан, посмотрела на него с вызовом.

— Ну, Петров... за любовь!

Он замер. Это слово, брошенное так небрежно, кольнуло острее ножа.

— За любовь, — повторил он машинально и опрокинул в себя виски.

Лиза допила, поставила стакан на стол и вдруг рассмеялась — звонко, немного пьяно, совсем по-девчоночьи.

— Знаешь, Петров, — сказала она, глядя на него сквозь ресницы, — Софка оказалась права. Ты действительно выглядишь... ну, это... потрясающе, блин. И меня это бесит!

Сергей поднял бровь.

— Чего?

— А того! — Лиза явно захмелела, слова вылетали быстрее мыслей. — Мечта любой девушки — встретить бывшего,

а он толстый, лысый, неудачник, жизнь его потрепала... А ты! — она ткнула в него пальцем. — Ты выглядишь так, будто время над тобой вообще не властно! Это нечестно, Петров!

Он молчал, наблюдая за ней.

— Хотя... — Лиза прищурилась, — есть у тебя один недостаток. Помнится, Анджела твоя что-то там говорила про... ну... про некоторые проблемы со здоровьем. С потенцией, если быть точной.

Она прыснула, прикрывая рот ладонью.

Сергей подскочил со стула так резко, что тот едва не опрокинулся.

— Послушай, Маркова! — голос его зазвенел. — Хватит уже!

— Полегче, полегче, Петров! — Лиза тоже встала, но от резкого движения и выпитого алкоголя немного пошатнулась и упёрлась спиной в стену. — Ты так на меня смотришь, как будто хочешь ударить... Или поцеловать! — Она выставила вперёд ладонь. — Но имей в виду: ни на то, ни на другое я не согласна!

Он стоял перед ней — стена мышц, напряжения и еле сдерживаемой ярости. Между ними было полшага. Воздух искрил.

— Петров, — продолжила Лиза, и в голосе её сквозило пьяное озорство, — ну не злись ты так! Всё лечится! Сейчас медицина...

Она не договорила.

Сергей рванул вперёд, прижал её к стене — жёстко, неожиданно, так, что чуть не стукнул ее затылком о стену. Его ладони упёрлись в стену по обе стороны от её головы, лицо приблизилось вплотную.

— Сейчас ты узнаешь, — прошипел он, глядя в её расширившиеся глаза, — какие у меня проблемы с потенцией!

И впился в её губы поцелуем.

Грубым. Жарким. Почти злым.

Он хотел наказать её. Хотел, чтобы она оттолкнула, чтобы залепила пощёчину, чтобы разозлилась и наконец ушла, чтобы доказала — между ними всё кончено, всё умерло, ничего не осталось.

Но она не оттолкнула.

Лиза выдохнула ему в рот — коротко, удивлённо — и вдруг обхватила его руками за шею, вцепилась пальцами в волосы на затылке и ответила. С такой жадной, отчаянной страстью, от которой у Сергея помутился рассудок.

«Только не это, — пронеслось в голове. Только не она. Только не снова.»

Но тело уже не слушалось. Он целовал её — исступлённо, бешено, считая все годы разлуки, все обиды, всю боль. Она отвечала тем же, прикусывала его губу, царапала затылок, прижималась так, будто пыталась раствориться в нём.

Сергей с трудом оторвался от её губ. Дышал рвано, хрипло, глядя в её потемневшие, влажные глаза.

— Скажи, чтобы я остановился, — прошептал он, упира-

ясь лбом в её лоб. — Сейчас же. Или будет поздно.

Лиза смотрела на него. В её взгляде смешались страх, желание, отчаяние и что-то ещё, чему он боялся дать название.

Она привстала на цыпочки, прижалась губами к его уху и выдохнула:

— Я убью тебя, Петров, если ты остановишься.

Эти слова сломали последний барьер.

Сергей подхватил её на руки — легко, будто она ничего не весила. Лиза обвила ногами его талию, вцепилась руками в плечи, не переставая целовать — шею, подбородок, губы, скулы. Он нёс её в спальню, не разбирая дороги, задел плечом косяк, выругался сквозь зубы, но не остановился.

В спальне было темно. Только свет уличного фонаря пробивался сквозь тонкие занавески, рисуя на стене бледные полосы. Сергей опустил Лизу на кровать, навис сверху, глядя в её лицо, освещённое этим призрачным светом.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил он хрипло. — Завтра ты можешь пожалеть.

— Завтра, — повторила она, проводя пальцами по его щеке, по небритой коже, по губам. — Завтра будет завтра. А сейчас... сейчас просто будь со мной, Петров. Пожалуйста.

Он накрыл её губы поцелуем — медленным, глубоким, совсем не похожим на тот, первый, бешеный. В этом было что-то новое. Что-то, чего между ними не было раньше. Не только страсть, не только память о прошлом, но и отчаянная нежность, проросшая сквозь годы боли.

Его пальцы скользнули по её шее, по ключицам, по плечам, сбрасывая одежду, которая вдруг стала лишней, ненужной, мешающей. Лиза выгибалась навстречу, ловила его руки, целовала их, прижимала к себе, шептала его имя — тихо, прерывисто, как молитву.

Время потеряло значение. Весь мир сузился до этой комнаты, до этой кровати, до двоих людей, которые когда-то разбились вдребезги и теперь собирали себя заново — по осколкам, по касаниям, по вздохам.

Сергей целовал её живот, грудь, ключицы, шею, возвращаясь к губам снова и снова. Лиза запускала пальцы в его волосы, гладила спину, чувствуя, как под ладонями перекачиваются мышцы, как напряжено его тело, как сильно оно хочет её.

— Петров... — выдохнула она, запрокидывая голову. — Петров, я...

— Тсс, — он прижал палец к её губам. — Не надо слов. Просто будь.

Она кивнула, закусил губу, чувствуя, как наворачиваются слёзы — не от боли, от чего-то другого, огромного и светлого, что вдруг распахнулось внутри.

Их тела сплелись в тугой узел. Движения сначала осторожные, почти робкие, становились всё смелее, всё отчаяннее. Сергей ловил каждый её вздох, каждую дрожь, каждое движение бёдер навстречу. Лиза прикусывала его плечо, царапала спину, шептала что-то бессвязное, потерянное, горя-

чее.

Когда мир взорвался фейерверком под веками, она закричала — коротко, удивлённо, зажимая рот ладонью. Сергей уткнулся лицом в её шею, чувствуя, как волна накрывает и его, сметая всё на своём пути.

Они лежали, тяжело дыша, переплетённые, мокрые от пота, не в силах пошевелиться. Тишина звенела в ушах. За окном занимался рассвет — серый, неяркий, холодный. Но здесь, в этой постели, было жарко.

И здесь, в маленькой спальне, в старом доме на Кленовой улице, двое людей, которые когда-то потеряли друг д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.